

Е.Г. БАКЛАНОВА, к.э.н., доцент,
Одесский национальный экономический университет,
Одесса, Украина
olena.baklanova@yahoo.com

PATH DEPENDENCE: ТРАЕКТОРИИ ПОСТСОВЕТСКИХ ЭКОНОМИК

В статье возникновение элит на постсоветском пространстве рассматривается как результат реформирования советских ведомственных и партийных структур в олигархические группы. Исследуются властные отношения, сложившиеся на базе корпоративной собственности. Проанализировано соотношение между властью и бизнесом на постсоветском пространстве. При этом выявлено различие между траекториями развития постсоветских стран. Доказано, что «критической развилкой», определяющей траекторию дальнейшего развития, является склонность к демократическим преобразованиям. Сделан вывод о зависимости экономических реформ от состояния политических институтов в условиях институциональной неустойчивости.

Ключевые слова: генезис элит, олигархические группы, экономическая власть, институциональная неустойчивость, политические институты, экономические реформы.

У статті виникнення еліт на пострадянському просторі розглядається як результат реформатування радянських відомчих і партійних структур в олігархічні групи. Досліджуються владні відносини, що склалися на базі корпоративної власності. Проаналізовано співвідношення між владою й бізнесом на пострадянському просторі. При цьому виявлене розходження між траекторіями розвитку пострадянських країн. Доведено, що "критичною розвилкою", яка визначає траекторію подальшого розвитку, є схильність до демократичних перетворень. Зроблено висновок про залежність економічних реформ від стану політичних інститутів в умовах інституціональної нестійкості.

Ключові слова: генезис еліт, олігархічні групи, економічна влада, інституційна нестійкість, політичні інститути, економічні реформи.

O.G. Baklanova

Path dependence: the trajectory of post-Soviet economies

In the article the emergence of elites in the post-treated as a result of reformatting Soviet departmental and party structures in the oligarchic groups . Explores power relations established on the basis of corporate ownership . Analyzed the relationship between government and business in the former Soviet

space. At the same time revealed the difference between the trajectories for the post-Soviet countries . Proved that the " critical junction " , which determines the trajectory of further development, is the tendency for democratic reforms . It is concluded that depending on the state of the economic reforms of political institutions in terms of institutional instability.

Keywords: genesis elite oligarchic groups, economic power, institutional instability, political institutions, economic reforms.

Процессы, происходящие в постсоветских странах, затронули все сферы жизнедеятельности общества и все аспекты социально-экономических отношений. В теоретическом анализе зачастую смешивается причина и следствие сдвигов, происходящих в многоуровневой институциональной системе. Поэтому важным аспектом теоретического анализа является выявление движущих механизмов развития социально-экономической системы в условиях незрелой демократии и формирующейся институциональной среды.

Главным элементом институциональной структуры общества и главной организацией в ней является государство с присущей любой организации проблемой «принципала-агента». Считается, что активность государства требует усложнения внутренней структуры и увеличения численности госаппарата, это вызывает асимметрию информации, увеличение издержек на мониторинг и предотвращение оппортунизма бюрократии. Так, в известной работе Э. Остром доказывается, что для поддержания порядка государству необходимо иметь не менее 75% достоверной информации об экономике [1]. Широко известны такие «провалы» государства, как несоответствие доходов и расходов, запланированных и полученных результатов, отсутствие четких критериев эффективности, неравномерное распределение ресурсов. Стандарт справедливости, который считается приемлемым политически, может не обеспечивать экономическую эффективность. По мнению Д. Норта, политические системы

© Е.Г. Бакланова, 2014

<http://www.elibrary.ru/issues.asp?id=37579>

<http://www.instud.net>, <http://www.nbu.gov.ua/>

склонны устанавливать неэффективные права собственности, поскольку во-первых, эффективная структура требует высоких издержек по контролю и регулированию, во-вторых, введение эффективных правил вызвало бы раздражение могущественных политических групп со специальными интересами"[2]. Поэтому "... структура прав собственности, которая максимизирует ренту для правящего класса, находится в конфликте со структурой, которая обеспечивала бы экономический рост"[3]. Для уменьшения количества «изъянов» функционирования государства-организации определяются оптимальные размеры госсектора и допустимые пределы государственного вмешательства в рыночные механизмы.

Вышеозначенные проблемы и рекомендации касаются, как правило, деятельности государства в сложившейся институциональной системе. Между тем следует различать

специфику зрелой и формирующейся социально-экономической среды. Свойством последней является искусственное совмещение в одной институциональной среде не адаптированных друг к другу институциональных элементов. При этом сохраняется высокая степень зависимости от предшествующей траектории развития. Поскольку основой социально-экономической структуры стран СНГ является советская экономика, институциональный анализ централизованной системы управления представляет научный интерес.

Система, утвердившаяся в СССР в 30-х годах, была построена по принципу унитарной структуры с вертикальными связями между предприятиями и вышестоящими ведомствами. В целом она достаточно надежно и слаженно распределяла и перераспределяла государственные фонды через систему финансов и цен, однако оказалась неэффективной. Об этом свидетельствует советская статистика: в VI пятилетке (1956-1960 г.г.) при плановом приросте основных видов продукции 15,3% фактически было получено 11,4%, в VII пятилетке (1961-1965 г.г.) – при снижении планового прироста до 11,6% было получено 8,7%, т.е. выполнение составило 75%[4]. Падение темпов сначала перекрывалось абсолютным увеличением прироста национального дохода за счет "утяжеления" каждого процента прироста, к концу 50-х – началу 60-х г.г. и оно прекратилось. Принцип централизованного управления требовал пересмотра, результатом корректировки курса стали реформы 50-60-х годов.

Реформа 1957 года, охватывающая сферу

управления, поставила под сомнение необходимость отраслевых промышленных министерств. Руководствуясь принципом децентрализации, оперативное управление переместилось на уровень советов народного хозяйства. То есть была сделана первая попытка перестроить единую функциональную систему управления. Однако произошла не столько децентрализация управления, сколько дезинтеграция и частичная переориентация предприятий, некоторое ослабление их зависимости от центра. Расширившиеся возможности межотраслевой специализации и кооперации нивелировались отсутствием соответствующих механизмов. Для координации деятельности предприятий сформировались дополнительные управленческие звенья – отраслевые и производственные государственные комитеты. В результате реформа не ослабила, а напротив, усилила качественные параметры административного механизма: директивное планирование, фондирование и централизованное распределение ресурсов, внедоговорное прикрепление производителей и потребителей, бюджетное финансирование.

Реформа 1965 года охватила более широкий круг организационно-структурных, планово-экономических, кредитно-финансовых проблем. Идея состояла в сочетании централизованного планирования с хозяйственной самостоятельностью. Не подрывая устоев системы, реформа дополнила внеэкономические рычаги экономическими пружинами, создала синтез административных и экономических механизмов. В основу производственной и коммерческой активности предприятий лег договорной принцип хозрасчетной деятельности. Для координации развития отраслей и межотраслевого взаимодействия, обеспечения баланса между централизмом и самостоятельностью восстанавливались ведомства. Система управления была перестроена по мультидивизиональному принципу, в которой ведомства выступали дивизионами по отношению к центру, а предприятия – дивизионами по отношению к ведомствам. Такая структура оказалась более эффективной, свидетельством чего стало увеличение темпов роста использованного национального дохода в восьмой пятилетке (1966-1970г.г.) с 32% до 41%, рост производительность труда в промышленности с 25% до 32%, увеличение реальных доходов на душу населения с 19% до 33%.

Тем не менее, и эта реформа провалилась, система отвергла не вписывающиеся в ее

механизм принципы. Экономические методы внедрялись лишь в той мере и постольку, в какой и поскольку это отвечало интересам гигантских отраслевых производственных корпораций, возглавляемых соответствующим министерством или ведомством. Вместо постепенного сокращения обязательных планов последовало их расширение, причем инициатива исходила не только от бюрократии, но и от самих отраслевых министерств и ведомств. Последние были нацелены на реализацию отраслевых, корпоративных интересов независимо, а зачастую и в ущерб общественной эффективности.

В ходе реформы проявились две тенденции. Во-первых, предприятия стали более самостоятельными, хотя и в жестких институциональных рамках. Во-вторых, отраслевое ведомственное руководство подтачивало прерогативы экономического центра. Обнаружился парадокс: механизм ведомственного управления закладывал материальные предпосылки (рост концентрации производства, вовлечение в хозяйственный оборот новых производственных ресурсов, мобилизация рабочей силы, углубление общественного разделения труда и т.д.) для последующего освобождения ведомств и вслед за ними предприятий от единого центра. Положение ведомств оказалось внутренне противоречивым: с одной стороны они были призваны обеспечить успешное выполнение общегосударственных задач, с другой – стремились создать наиболее благоприятные материальные и финансовые условия для функционирования "своих" предприятий за счет средств и ресурсов, поступающих извне. Так своеобразно на верхних эшелонах в сопряжении крупнейших ведомств формировалась экономическая обособленность, которая стала фундаментом возникновения и сегодняшней борьбы таких гигантов, как «Укрнефтегаз», «Газпром», РАО АС, «Укртелеком» и других. Формальный статус агентов государства не мешал руководителям ведомств чувствовать себя принципалами. Расширялись межведомственные связи в обход бюрократии, выстраивалась горизонтальная система отношений. Организации-ведомства не только адаптировались к институциональной системе, они активно ее меняли¹. При этом четко прослеживались группы со специальными интересами.

¹ Анализ организации как генератора институтов в условиях рыночной экономики подробно рассмотрен в работе М. Белоусенко [5].

Они были представлены, с одной стороны, бюрократией, претендующей на часть дохода, с другой - ведомствами, нацеленными на удержание этой части в собственном распоряжении. При отсутствии конкуренции издержки по контролю и регулированию были чрезвычайно высоки, что закономерно обуславливало неэффективную реализацию прав собственности.

Обе реформы, 1957 и 1965 годов, несмотря на внешнюю прогрессивность, нацелились на создание механизма, обеспечивающего стройное функционирование унитарной системы. Внешнее ослабление централизма должно было придать ей устойчивость, что свидетельствовало не о силе, а нарастающей слабости бюрократии и несостоятельности механизмов управления. Невосприимчивость советской системы к совершенствованию Я. Корнаи охарактеризовал следующим образом: «Сталинский классический социализм репрессивен и неэффективен, но представляет собой целостную систему. Когда он подвергается реформированию, целостность нарушается, а внутренние противоречия усиливаются. Реформирование, не смотря на серию положительных изменений, обречено на неудачу: социалистическая система неспособна обновить себя изнутри настолько, чтобы доказать жизнеспособность в долгосрочной перспективе. В конце концов приходит время поистине революционных изменений, время ликвидации социалистической системы и движения общества в сторону капиталистической рыночной экономики»[6].

Изначальные условия задали траекторию институциональных изменений. Перестройка осуществлялась все теми же элитами, стремившимися сохранить свои позиции. Партийные, региональные и отраслевые группировки трансформировались в новые коалиционные структуры. Они сохранили доступ к привилегиям, которыми обладали, а извлекаемая политическая и экономическая рента стала стимулом к сотрудничеству.

Переформатирование не способствовало внедрению норм конституций рыночной экономики. Сохранились и имплантировались в институциональную рыночную среду такие конституции командной экономики, как простой утилитаризм и персонифицированное доверие. Это стало плодотворной почвой для появления институциональных ловушек[7], целевого использования внедряемых рыночных институтов[8], их мутации, вплоть до утраты

своих общественных функций², последующего институционального разрыва [10]. Общество понесло потери вследствие подавления стимулов к производительной деятельности и асимметрии циркулирующей информации. Прямое присутствие властных элит в частном секторе привело к дополнительным рыночным искажениям в результате манипулирования ценами факторов производства, необходимых правящему классу для ведения бизнеса [11].

Построению полноценных институтов рыночной экономики в 1990-е годы препятствовало как неверие масс, так и сопротивление новых элит, которые извлекают значительную ренту из незавершенных реформ [12]. Элиты опасались политических рисков свободной экономики, поскольку активность масс могла нести угрозу их привилегиям [13]. Поэтому для них предпочтительной стала консервация экономически неэффективных, но политически безопасных институтов изъятия ренты. Они использовали свою власть, влияние и ресурсы для утверждения, защиты и воспроизводства этих институтов во времени. Исследования показывают, что страны, оказавшиеся в такого рода ловушке, даже при избытии ресурсов и наличии иных исторических и географических предпосылок для экономического роста, обычно не способны к развитию [14].

Судьба прав собственности, как и других ключевых институтов, оказалась в руках реформаторов. Механизм приватизации позволял нейтрализовать дореформенные элиты – в первую очередь руководства крупных предприятий и региональных властей, которым были предложены соответственно пакеты акций приватизируемых компаний и контроль над приватизацией малых и средних предприятий [15]. Таким образом, вместо устранения возможных оппонентов произошла их кооптация в число сторонников приватизации [16].

Вероятность возникновения новых монополистических структур на базе приватизированных предприятий не рассматривалась. Реформаторов прежде всего интересовало, как провести экономические реформы таким образом, чтобы политическая коалиция, поддерживающая приватизацию, осталась у власти, или то, какие формы приватизации приводят к тем или иным политическим ограничениям [17].

² Институты работают по-другому, чем в системах, из которых они были изначально заимствованы. В частности, анализ работы институтов корпоративного управления представлен в исследовании Верникова А. [9]

Стремление сохранить политическую ренту удачно совпало с возможностью «подкрепиться» реальными активами. В такой обстановке складывалась новая структура собственности, преобладающей формой которой в промышленности стала корпоративная.

Оценка постприватизационной собственности сегодня противоречива. Одни отстаивают преимущества корпораций как фундамента корпоративной экономики, основанной на либерально-демократической идеологии [18], другие называют такую позицию «рыночным фундаментализмом», видя в сверхкрупных корпоративных структурах препятствие для включения в интегративный процесс [19]. Третьи в самой постановке проблемы видят признание «провала рынка», решение которой следует искать в участии государства [20]. Ставится также вопрос о том, что в сфере отношений собственности нужна не денационализация и приватизация, а более прогрессивный способ реализации государственной собственности. При этом в духе Дж. Гэлбрейта государственно-корпоративная система хозяйства представляется «высшим капитализмом» с параллельным существованием в экономике «низшего капитализма» [21]. Существует даже мнение, что создан вариант государственного капитализма, где государство – единственный обладатель безупречно оформленных прав. Титул суверена дает право государству оформлять, переоформлять и отнимать любые права, хотя и позволяет субъектам низшего порядка частично их реализовывать. Отсюда власть по своему усмотрению гарантирует лишь лояльным их долю собственности, при условии соблюдения ими неких договоренностей. То есть управляемый капитал принадлежит собственникам не вполне, он капитализирован лишь через капитализацию власти в целом [22]. Такая категоричность – реакция на манипулирование законами и пересмотр ранее принятых решений. Примерами могут служить реприватизация «Криворожстали» в Украине или дело «ЮКОС» в России. Тем не менее, фактические данные свидетельствуют о том, что крупные олигархи считают себя полноценными собственниками, их инвестиции в свои компании составили сотни миллионов долларов [23].

Следует заметить, что абсолютность права суверена – свойство авторитарных политических устройств, в такой склонности подзревается российская политическая система. Украинская демократия страдает обратным

перекосом – приватизацией власти и государства бизнесом [24]. Государственная власть используется как инструмент передела собственности и доминирования на рынке. Это снимает проблему полной абсолютности, но порождает проблему согласованности прав между группами интересов, сложившихся в борьбе за власть. Замечено, что и при устоявшейся системе институтов мы имеем дело не со спросом вообще и не на право вообще, а со спросом групп интересов на его специфические элементы [25]. Права складываются в определенную систему, отдельные подсистемы которой могут вступать между собой в конфликт, и нет универсальных критериев, определяющих, какое из конфликтующих прав должно быть подвергнуто ограничению [26]. Таким критерием в Украине стал политический рынок. Стремление высшей власти к извлечению максимальной монопольной ренты ограничивают потенциальные конкуренты, в качестве которых выступают оппозиционные силы. Поэтому права собственности распределяются по группам интересов в зависимости от "договорной силы" каждой из них, соображения общественной эффективности при этом не играют роли. Сложившиеся социально-экономические системы получили термин «управляемый клановый капитализм» [27]. Однако существует принципиальное различие между его моделями – оно в соотношении власти и бизнеса: например, в России авторитарное государство управляет кланами, в Украине наоборот – кланы управляют государством. Отсюда непоследовательность украинских реформ, с каждой сменой расстановки сил меняется курс.

Анализ долгосрочных исторических трендов выявляет расхождение траекторий экономического и политического развития различных стран. Расхождения возникают на «критических развилках» (critical junctures), которые во многом предопределяют дальнейший ход событий в экономике и политике [28]. Признаком подобной развилки можно считать возникновение в России олигархической системы собственности и одновременное сворачивание демократии в годы рыночных реформ. В Украине – возникновение олигархической структуры собственности и вслед за оранжевой революцией 2004 года поступательное разворачивание демократии.

В России с начала 2000-х прочно утвердилась «вертикаль власти», то есть режим с максимальной централизацией политической

власти при номинально сохраненных, но реально ослабленных или бездействующих сдержках и противовесах. Сложившаяся политическая система характеризуется как «конкурентный авторитаризм» – гибридный режим, допускающий внешние атрибуты демократии, но использующий при этом различные средства для исключения реальной возможности смены власти [29]. Такой режим обеспечивает эксклюзивные привилегии властным элитам и подвергает дискриминации находящихся за пределами провластной олигархии, создавая барьеры вокруг привилегированного сектора, что подавляет конкуренцию и инновации, а в итоге пагубно сказывается на росте [30].

Украинская политическая система – это иная форма гибридного режима с «горизонталью власти», которая может быть охарактеризована как «конкурентная олигархия». Она расширяет круг участников политической борьбы, ограничением вступления в него служат размеры личного богатства. Принципы демократии, распространившиеся на политический рынок, стимулировали возникновение новых оппозиционных группировок. Барьером входа на политический рынок стало экономическое могущество, обретенное в период приватизационных манипуляций.

В соответствии с логикой естественного государства политическая система манипулирует экономической для создания ренты, которая затем обеспечивает политический порядок. Сегодня классической схеме Норта следуют склонные к авторитаризму режимы (Россия, Беларусь, Казахстан, Азербайджан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан). В странах с трансформационным политическим режимом (Украина, Грузия) наблюдается обратная причинно-следственная связь: экономическая власть позволяет манипулировать политической системой и инициировать такое политическое устройство, которое обеспечивает элитам дальнейшее извлечение устойчивой экономической ренты. Экономическое господство порождает политическое могущество.

Элиты сталкиваются с необходимостью кооперативного поведения, их мирное сосуществование зависит от баланса интересов, создаваемого процессом создания ренты. Чем шире круг элит, чем больше оппозиционных группировок, тем маловероятнее становится достижение двойного баланса, под которым понимается сконцентрированная экономическая и политическая власть, обеспечивающая для сохранения стабильности общества со-

вместимость стимулов во всех политических, экономических, культурных, социальных и военных системах.

Демократическое политическое устройство и наличие сильных оппозиционных группировок становятся ключевыми факторами развития межэлитной конкуренции на политическом рынке. Создание ренты, которое приносит выгоду только узкой группе интересов, становится менее вероятным. Открытый доступ в политике приводит к созидательному политическому разрушению через партийную конкуренцию. Оппозиционная партия имеет сильные стимулы для того, чтобы следить за правящей партией и предавать гласности попытки подорвать конституцию. Межэлитная конкуренция способствует развитию демократии и вовлечению широких слоев населения в принятие государственных решений [31].

Между тем, оценка демократии как института политической свободы неоднозначна. С одной стороны, демократия считается лучшим механизмом конкурентного отбора между политическими партиями и группами влияния [32], при этом выдвигается тезис, что в странах с неустойчивой демократией оптимальной является парламентская форма правления [33]. С другой стороны, существует множество объяснений, почему политически свободные режимы не способны создать условия для эффективной экономической деятельности [34], среди которых наиболее авторитетным является аргумент о влиянии групп со специальными интересами на выбор экономических и политических институтов [35], вплоть до признания современной формы демократии ограниченной авторитарной системой [36].

В условиях трансформационной экономики связь между политическим режимом и экономическим развитием оказывается еще более неоднозначной. Был охарактеризован феномен клептократии, под которым понимается персональное правление с чрезвычайно неэффективной (в смысле максимизации создания стоимости) экономической политикой, в рамках которой правитель экспроприирует имущество своих подданных, используя его для осуществления престижных проектов или личного потребления [37]. Успешность и длительность правления клептократов опирается на их способность использовать стратегию «разделяй и властвуй», становящуюся возможной из-за «слабости» институтов в соответствующих странах. Под слабостью институтов при этом понимается отсутствие действенных

и эффективных механизмов принуждения к исполнению вводимых законов, которые срабатывали бы независимо от того, кто именно нарушил принятый закон. Коллективные усилия, необходимые для смещения клептократа, в таких обществах становятся крайне затруднительными, поскольку правитель может перераспределять имущество по своему усмотрению в пользу тех, кто не пытается сопротивляться его правлению. Такое государственное устройство, однако, становится возможным лишь при высокой концентрации власти в одних руках, при этом существуют пороговые условия для его укоренения³.

Если сопоставлять парламентско-президентскую и президентско-парламентскую формы правления в неразвитой институциональной среде, характерной для постсоветских экономик, то слабостью первой оказывается высокая разбалансированность, сложность достижения консенсуса между конкурирующими партиями и блоками, слабостью второй – высокая зависимость от личных качеств и видения ситуации отдельной личностью. Наглядными результатами первой явились в Украине диаметрально противоположные позиции президента В. Ющенко и премьер-министра Ю. Тимошенко в 2004-2008 г.г., результатами второй – непреклонность позиции президента В. Януковича в 2013 г.

Выбирая «худшее из двух зол», следует обратиться к мировой практике. Опыт стран с переходной экономикой опровергает распространенные в начале 1990-х годов опасения, что демократия и подотчетная обществу власть могут заблокировать реформы или обратить их вспять. Более демократические страны с частой сменой правительств добились больших успехов в защите прав собственности, конкуренции и верховенстве закона, чем государства с подавленной или манипулируемой демократией [38]. Особенно благотворно влияние сменяемости власти на качество институтов для несовершенных демократий, где институты «пластичны» и находятся под сильным влиянием элит [39]. Реальная перспектива отстранения от власти повышает заинтересованность

³ Из выводов авторов следует, что к таковым относятся: достаточные масштабы иностранной помощи или рентные доходы от природных ресурсов; краткосрочность интересов противников; низкая средняя производительность в экономике; значительное неравенство между группами экономических агентов.

правлящей в данный момент фракции элит в сдержках и противовесах, которые защитят эту фракцию в будущем от произвола конкурирующих элитных групп. Разделение властей и другие демократические элементы воспринимаются правящими элитами как страховка при неблагоприятных изменениях политической судьбы. Таким образом, политическая нестабильность становится катализатором прогрессивных институциональных реформ. И наоборот, при несменяемости власти неподконтрольные обществу элиты не заинтересованы в улучшении институционального климата, поскольку их собственные активы в частном секторе защищены в эксклюзивном порядке «административным ресурсом». Только при угрозе реальной утраты власти, а вместе с ней и привилегированного режима для своих активов универсальная защита прав собственности становится для элит незаменимой.

Развитие демократии не означает перерастания в охлократию, принятие государственных решений по-прежнему остается делом элит, однако политический контроль со стороны оппозиции и давление со стороны масс принуждают к отчетности и принятию решений, учитывающих общественные интересы; политический режим становится менее «элитоцентричным» [40]. Верховенство закона должно устанавливаться прежде всего для самих элит, их взаимодействие между собой должно осуществляться на основе формальных правил, а не частных договоренностей [41]. Демократия позволяет дисциплинировать элиты в интересах общества. И наоборот: недемократические реформы попадают под контроль организованных групп интересов, которые устанавливают «порядок ограниченного доступа», препятствующий экономическому развитию.

Согласно классической дилемме *voice vs. exit* массы выражают свое отношение к поведению элит [42]. Явное предпочтение в России получил «уход» в неформальные сети и малые группы [43], а также самостоятельный поиск путей адаптации к неблагоприятным внешним условиям. В Украине из двух альтернативных механизмов преобладает «голос» – активное политическое участие и восстановление контроля общества над государственной политикой и институтами. Свидетельством высокой гражданской активности является Евромайдан.

Демократические свободы должны развиваться параллельно с развитием гражданского самосознания, ростом гражданской культу-

ры, что позволит обществу стать более активным субъектом институциональных преобразований в стране. При этом следует понимать, что высокая гражданская культура – результат длительного исторического развития при неавторитарных режимах, подотчетности власти и верховенстве закона [44].

Порядок открытого доступа – это система, позволяющая найти оптимальное сочетание роста совокупного общественного богатства, рационального использования ресурсов, повышения благосостояния населения. Это достигается благодаря верховенству закона, защите прав собственности, политической и экономической конкуренции, качественным и общедоступным социальным услугам, наличию разнообразных общественных благ. Шансы на переход к такому порядку тем больше, чем шире коалиция, контролирующая институциональный выбор, поскольку увеличение членов коалиции заставляет их выше оценивать экономическую ценность общественных благ, в результате институты перераспределения, при помощи которых одни группы добиваются успеха за счет остальных, становятся менее привлекательными.

Таким образом, исходной предпосылкой анализа трансформирующейся экономической системы должен быть тезис Д. Норта о том, что формирование рент, ограничение конкуренции, а также доступ к организационным структурам являются основными сущностными чертами государства, его институтов и производительности общества. Судьба институтов определяется отношением к ним влиятельных общественных групп, особенно экономических и политических элит, обладающих правом решающего голоса относительно реформ.

Порядок открытого доступа обеспечивает экономический рост и высокий жизненный уровень населения, которое таким образом вознаграждается за способность предотвратить «захват» институтов одной группой со специальными интересами. «Пропускным клапаном» к такому порядку является конкуренция среди элит и участие масс в оценке их деятельности. Открытый и конкурентный процесс выработки стратегии реформ улучшает качество принимаемых решений, создает предпосылки для завершения начатых преобразований и консолидирует демократические институты [45]. Поэтому в условиях институциональной «пластичности» в первую очередь состояние поли-

тических институтов (например, зрелость парламентской и президентской демократии) определяет траекторию дальнейшего развития. Такой вывод согласуется с известной «гипотезой институциональной иерархии» [46], устанавливающей зависимость экономических институтов от типа или качества политических.

Литература

1. Ostrom, Elinor, 1990. *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*, Cambridge University Press.
2. North D. C. *Institutions, transaction costs, and economic growth*. – "Economic Inquiry", 1987, v. 25, N 3, P. 422.
3. North D. C. *Structure and change in economic history*. – N. Y., 1981. – P. 28.
4. см. ж. «Наука и жизнь». – 1989. – №4. – С. 41-43.
5. М. Белоусенко. *Общая теория экономической организации*. – Донецк: ДОНТУ, 2006. – 432 с.
6. Корнаи Я. *Социалистическая система. Политэкономия коммунизма.*: Пер. с англ. – М. – 2000. – 672 с. (С.23)
7. Полтерович В. *Институциональные ловушки и экономические реформы.*// Экономика и математические методы – Т. 35, – Вып. 2, – 1999.
8. Полищук Л. *Нецелевое использование институтов: причины и следствия.* // Вопросы экономики. – № 8, – 2008, – с. 28-44.
9. Верников, А. (2009): *Импорт в Россию институтов корпоративного управления и их мутация.* URL: http://mpira.ub.uni-tuenchen.de/15379/1/MPRA_paper_15379.pdf.
10. *Институційна архітектура і механізми економічного розвитку.* // *Економічна теорія*. – № 1, – 2005, – с. 94-116.
11. Acemoglu D. (2006). *A Simple Model of Inefficient Institutions* // *Scandinavian Journal of Economics*. Vol. 108, No 4. P. 515-546.
12. Hellman J. (1998). *Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions* // *World Politics*. Vol. 50, No 2. P. 203—234.
13. Acemoglu D., Robinson J. (2006). *Economic Backwardness in Political Perspective* // *American Political Science Review*. Vol. 100, No 1. P. 115-131.
14. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. (2002). *Reversal of Fortune: Geography and Institutions in the Making of the Modern World Income Distribution* // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 117, No 4. P. 1231-1294.
15. Boycko M., Shleifer A., Vishny R. (1995). *Privatizing Russia*. Cambridge, MA: MIT Press.
16. Shleifer A., Treisman D. (2000). *Without a map. Political Tactics and Economic Reform in Russia*. Cambridge, MA: MIT Press.
17. Д.Асемоглу, Дж.Робинсон. *Политика или экономика? Ловушки стандартных решений.*// *Вопросы экономики*, – 2013. – №12. – С.18.
18. Пасхавер А. *Перспективы частного предпринимательства в Украине: бюрократия против капитала.*// «Зеркало недели» от 26 июня 1999 г.
19. Гец В. *Социогуманитарные составляющие перспектив перехода к социально ориентированной экономике в Украине.* // *Экономика Украины*. – 2000. – №1. – с. 7.
20. Сирко А. *Корпоративная собственность в транзитивной экономике.* // *Экономика Украины*. – 2003. – №2. – С. 61.
21. Губанов С. *Системные противоречия и перспектива их разрешения.* // *Экономист (рос.)*. – 2002. – №1. – С. 70.
22. Павловский Г. *Гениальная власть! Словарь абстракций Кремля.* – М.: Европа, 2012. – С. 33- 34.
23. Д.Асемоглу, Дж.Робинсон. *Политика или экономика? Ловушки стандартных решений.*//*Вопросы экономики*, – 2013. – №12. – С.19.
24. Киндзерский Ю. *Деформация института собственности в Украине и проблемы формирования эффективного собственника в неэффективном государстве.* // *Вопросы экономики*. – № 7, – 2010, – с. 127.
25. Л. Григорьев. *Спрос элит на право: «эффект трамвая»*// *Вопросы экономики*, – 2012, – №6, – с.33-47.
26. Р. И. Капелюшников. *Экономическая теория прав собственности*. – М: Ин-т МЭ и МО, 1990.
27. Guriev S.M., Sonin K. (2008) *Dictators and Oligarchs: A Dynamic Theory of Contested Property Rights* // *Journal of Public Economics*. Vol.93, No 1-2. P. 1-13.
28. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J., Yared P. (2008). *Income and Democracy* // *American Economic Review*. Vol. 98, No 3. P. 808-842.
29. Levistky S., Way L. (2010). *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes After the Cold War*. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2010.
30. Acemoglu D. (2006). *Указ.труд.*

31. Lizzeri A., Persico N. (2004). Why Did Elites Extend the Suffrage? Democracy and the Scope of Government, with an Application to Britain's "Age of Reform" // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 119, No 2. P. 707-765.
32. Wittman, D. Why Democracies Produce Efficient Results, *Journal of Political Economy*. № 97. 1989 – pp.1395-1424.
33. Persson T., Tabellini G. (2000). *Political Economics: Explaining Economic Policy*. Cambridge, MA: The MIT Press.
34. D. Romer. Misconceptions and Political Outcomes, *Economic Journal*, №113. 2003. – pp.1–20; S.Djankov, La Porta, R.F. Lopez-de-Silanes, A.Courts, *Quarterly Journal of Economics*, №118. 2003 – pp.453-517.
35. D.C. North, D.C. Structure and Change in Economic History, New York, W.W. Norton. 1981. – p.33- 40; Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. Монография нобелевского лауреата в области экономики. Пер. с англ.; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – 2010. – 256 с.
36. Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход/ пер. с англ. – М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2010 – 320 с.
37. Acemoglu D., Robinson J.A., Verdier T. Kleptocracy and Devide-and-Rule: A Model of Personal Rule. NBER Working Paper 10136. December 2003.
38. Bertelsmann Stiftung (2010). Transformation Index 2010. Political Management in International Comparison. Gütersloh: Verlag Bertelsmann Stiftung.
39. Полишук Л. Аутсорсинг институтов. // *Вопросы экономики*, – 2013, – №9. – С.40-65.
40. Inglehart R., Welzel Ch. (2005). *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. N. Y.: Cambridge University Press.
41. Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайн-гаст Б. (2012). В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической активности // *Вопросы экономики*. –2012. – № 3. С. 4-31.
42. Hirschman A. (1970). *Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
43. Rose R. (1998). *Getting Things Done in an Anti-Modern Society: Social Capital Networks in Russia* // *Social Capital Initiative Working Paper*. No. 6. Washington DC: World Bank.
44. Putnam R. (1993). *Making Democracy Work: Civic Tradition in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press; Persson T., Tabellini G. (2009). *Democratic Capital: The Nexus of Political and Economic Change* // *American Economic Journal: Macroeconomics*, Vol. 1, No 2. P. 88-126..
45. Pereira B., Carlos L., Maravall J., Przeworski A. (1993). *Economic Reforms in New Democracies: A Social-Democratic Approach*. Cambridge: Cambridge University Press.
46. Eicher T. and Schreiber T. Structural policies and growth: time series evidence from a natural experiment. «*Journal of Development Economics*» № 91, 2010, p. 169-179.

Статья поступила в редакцию 10.02.2014